

Белоусов М. С. Создание Царства Польского в дискурсе российской прессы / М. С. Белоусов, А. С. Белоусов, А. И. Куру // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 309—327. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-309-327.

Belousov, M. S., Belousov, A. S., Kuru, A. I. (2021). Creation of the Kingdom of Poland in Russian Press. *Nauchnyi dialog*, 3: 309-327. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-309-327. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-309-327

Создание Царства Польского в дискурсе русской прессы

Белоусов Михаил Сергеевич

orcid.org/0000-0002-6646-3927

кандидат исторических наук, доцент
m.s.belousov@gmail.com

Белоусов Александр Сергеевич orcid.

org/0000-0003-2679-3910

младший научный сотрудник
belousov1504@gmail.com

Куру Анна Ивановна

orcid.org/0000-0002-8928-7225

студент
kuruannaivanovna@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный
университет

(Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено в рамках
гранта Российского научного фонда,
проект № 19-18-00073 «Национальная
идентичность в имперской политике
памяти: история Великого княжества
Литовского и Польско-Литовского
государства в историографии и
общественной мысли XIX—XX вв.».

Creation of the Kingdom of Poland in Russian Press

Mikhail S. Belousov

orcid.org/0000-0002-6646-3927

PhD in History, Associate Professor
m.s.belousov@gmail.com

Alexander S. Belousov

orcid.org/0000-0003-2679-3910

Junior Researcher
belousov1504@gmail.com

Anna I. Kuru

orcid.org/0000-0002-8928-7225

student
kuruannaivanovna@gmail.com

St. Petersburg State University

(Saint-Petersburg, Russia)

The study was carried out within
the framework of the grant of the Russian
Science Foundation, project № 19-18-
00073 «National identity in the imperial
politics of memory: the history
of the Grand Duchy of the Lithuanian
and Polish-Lithuanian states in
the historiography and social thought
of the 19th—20th centuries».

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Настоящая статья посвящена анализу риторики публикаций в российской прессе 1814—1818 годов, посвященных имперской политике в только что присоединенном Царстве Польском. Авторы поставили своей целью показать, что следует отделять реальную политику российского самодержавия на этой территории от образов, созданных сначала французскими публицистами, а затем многократно гиперболизированных российскими журналистами. Отмечается, что Александр I в 1814—1818 годах предстает на страницах французских изданий как царь-освободитель. Показано, что эти сюжеты были быстро подхвачены российскими газетами и журналами и в результате сложилась парадоксальная картина: в течение нескольких лет средства массовой информации убеждали российское общество в том, что русский царь является новым польским национальным государем. Утверждается, что это, безусловно, вызвало неприятие и в консервативных кругах, и среди передовых западников, таких как Вяземский или Тургенев. Делается вывод, что именно господствующий дискурс можно считать, с одной стороны, одним из факторов возникновения движения декабристов, а с другой — «ловушкой» для Александра I, так как либеральная риторика прессы со временем стала все больше и больше расходиться с реальной политикой российского самодержавия.

Ключевые слова:

Александр I; Российская империя; Царство Польское; Венский конгресс; периодическая печать.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is devoted to the analysis of the rhetoric presented in the Russian press in 1814—1818 regarding the imperial policy in the newly annexed Kingdom of Poland. The aim of the authors is to show that it is necessary to separate the real policy of the Russian autocracy in this territory from the images created first by French publicists, and then repeatedly exaggerated by Russian journalists. It is noted that Alexander I in 1814—1818 appears on the pages of French publications as a tsar-liberator. It is shown that these stories were quickly picked up by Russian newspapers and magazines and, as a result, a paradoxical picture emerged: for several years the mass media convinced the Russian society that the Russian Tsar was the new Polish national sovereign. It is argued that this, of course, caused rejection in conservative circles and among advanced Westerners such as Vyazemsky or Turgenev. It is concluded that it is the dominant discourse that can be considered, on the one hand, one of the factors in the emergence of the Decembrist movement, and on the other, a “trap” for Alexander I, since the liberal rhetoric of the press over time began to diverge more and more from the real policy of the Russian autocracy.

Key words:

Alexander I; the Russian Empire; Kingdom of Poland; Congress of Vienna; periodical press.

Создание Царства Польского в дискурсе российской прессы

© Белоусов М. С., Белоусов А. С., Куру А. И., 2021

1. Введение

В сентябре 1814 года после завершения войны с наполеоновской Францией открылся Венский конгресс, созданный по инициативе России, Великобритании, Австрии и Пруссии. На него съехались 216 представителей различных государств. Наряду с дипломатами высокого ранга всех стран, участвовали русский царь Александр I и австрийский монарх Франц I [Краткая история Польши ..., 1993, с. 97]. Каждая великая держава желала добиться для себя максимальной выгоды в ходе новой перекройки карты Европы. Парижский мирный договор являлся промежуточным в этом контексте, поскольку не решил ключевые проблемы, в частности судьбу польско-литовских земель [Рей, 2017, с. 32].

Американский исследователь М. Джарретт отмечает, что все присутствовавшие на конгрессе в Вене в 1814 году — и монархи, и дипломаты — столкнулись с коренными общественно-политическими переменами, ставшими результатом многолетней борьбы с Наполеоном и наследием французской революции. Наполеоновские войны показали важность общеевропейского консенсуса и умеренных действий в вопросах международной безопасности. Именно механизм мирного сосуществования и должен был выработать Венский конгресс. Путь к его успешному формированию лежал через удовлетворение желаний союзных держав: разграничивались сферы влияния, а часть территорий аннексировались в пользу той или иной страны [Jarrett, 2015, p. 438].

2. Александр I и польский вопрос: выбор стратегии

На правах одного из ключевых политических игроков Европы Россия предъявила территориальные претензии на польские земли, до этого принадлежавшие *de facto* наполеоновской Франции, однако встретила активное сопротивление со стороны Австрии, Франции и особенно Англии. Корень противоречий, по мнению С. В. Мироненко, лежал прежде всего в стремлении западных держав не допустить сохранения целостности Польши, а также усиления России [Мироненко, 1989, с. 147—207]. Позиция Великобритании, представленная лордом Робертом Стюартом Каслри, была однозначной: новый раздел польско-литовских земель, как и в XVIII веке. Принятие подобного решения позволило бы сформировать

консенсус между великими державами и ослабить Россию, которая после победы над Наполеоном находилась в зените своей мощи.

Осознав этот факт и понимая невозможность достичь абсолютных территориальных приобретений, Александр I решил воспользоваться своим новым общественным образом — царя-освободителя, победившего Наполеона, — однако не для того, чтобы занять его место, а для освобождения континента от тирании. Он хотел внушить всем, что его единственным устремлением является благо народов Европы и собственных подданных. В практическом отношении представление российского монарха как освободителя породило идею о восстановлении независимого польского государства, но под скипетром Александра I: измученные войной поляки возвращались домой и получали желанную свободу в виде собственного государства и конституции, дарованных именно российским императором. Этот образ позволял Александру I скрыть свои дипломатические ошибки и выделиться на фоне остальных. Вопреки оптимистичным оценкам современниками решений Конгресса, следует отметить, что Александр I был вынужден идти на значительные уступки: Россия отдавала Пруссии четверть территории Варшавского герцогства, а также выделила Краков как особое образование [Щеголев, 2014, с. 81].

Одной из причин формирования подобного политического проекта стало также категорическое неприятие присоединения земель Польши к Российской империи и со стороны европейских средств массовой информации, которыми ставилось под сомнение право великих держав перекраивать карту Европы на свое усмотрение. Первоначальное отторжение этой идеи вскоре сменилось, наоборот, ее восторженной поддержкой после новостей о создании Царства Польского и присяге поляков на верность своему новому королю [Belousov et al., 2019, pp. 1199—1200].

В то же время, как отмечает историк Ш. Аскенази, новое польское государство было существенно урезано в своих границах и численности населения, а общество имело мало шансов сохранить конституционные порядки из-за силы абсолютизма российской монархии [Аскенази, 1915, с. 26]. И. Лелевель вовсе считал действия русского императора неискренними, то есть лишь формой достижения собственных политических целей [Mocha, 1972, pp. 605—609]. Действительно, на выборе формы «включения» Царства Польского в состав Российской империи сказалось в первую очередь стремление императора обезопасить границы своего государства [Вашенко, 2000, с. 13—14].

Расположив в свою пользу европейскую прессу идеей независимого польского государства с собственной конституцией, Александр I должен был решить также параллельную задачу — создать общественный консен-

сус по этому же вопросу внутри самой России. Вновь образованное Царство Польское не включало в себя ни одну из территорий, присоединенных к России тремя разделами. Бывшие земли Речи Посполитой, вошедшие в состав империи при Екатерине II, не обладали ни особым статусом, ни самоуправлением. Единственное, что было сохранено для местного населения — гражданское право и использование польского языка в судопроизводстве [Strakhovsky, 1941, p. 467—492].

Таким образом, Александр I должен был объяснить своим подданным причину дарования условной независимости и конституции Царству Польскому, чьи бывшие территории находились в то время в равном положении с другими губерниями империи. Неслучайно историк В. Завадский обращает внимание на факт того, что Александр I в польском вопросе оказался победителем и великодушным освободителем для европейцев, но не для собственной политической элиты, которая относилась враждебно к его идеям и планам [Zawadzki, 1985, p. 41], что император прекрасно осознавал.

Он отлично помнил причины свержения своего деда и отца, поэтому желал изменить общественное мнение в отношении себя в лучшую сторону. Ключевым инструментом в этом начинании для него стала российская пресса. Общественность под давлением европейского политического дискурса была фактически поставлена перед выбором: новый раздел бывших земель Речи Посполитой между великими державами или образование независимого польского государства под властью императора [Зак, 1966, с. 323—324].

Существенный вклад в создание новой концепции Царства Польского внес Адам Ежи Чарторыйский. Преследуя свою цель восстановления польской государственности, он оказывал огромное влияние на Александра I и его взгляды касательно Польши. Действия князя стали ключевыми в польско-русских отношениях эпохи после разделов. По его мнению, царствованию Александра предстояло «начать новую эру, в которой европейская политика отныне должна была основываться на общем благе и правах личности» [Morley, 1947, p. 407].

Идея Царства Польского как формы независимого и самостоятельного государственного образования, хоть и под властью русского императора, стала самостоятельным актором в российском и европейском политических дискурсах. Она оказывала воздействие на общественность России и Европы как во время Венского конгресса, так и после него, что в конечном счете привело к польскому восстанию 1830 года, одной из причин которого стало несоблюдение властью дарованных Александром I прав. Век революций нельзя было остановить [Хобсбаум, 1999]. Российская власть превращалась в заложника собственного политического проекта. Создав умозрительное государственное образование на либеральных началах,

Александр I не видел необходимости претворять его в жизнь, что уже произошло спустя несколько лет.

3. Интерпретация риторики прессы

Контент-анализ российской прессы позволяет реконструировать контекст политической риторики, сопутствующий Венскому конгрессу и периоду создания Царства Польского. Русские газеты и журналы, такие как «Вестник Европы», «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета», «Сын Отечества», «Русский инвалид», «Московские ведомости» и др., не являлись площадкой для выражения различных общественных мнений по причине строгой цензуры, которая не пропускала вольные трактовки событий. В этой связи публикации в них следует принимать как завуалированную государственную интерпретацию происходящего в России и мире.

По мнению Л. А. Зака, отечественные редакторы предпринимали попытки обойти цензуру и проблему отсутствия собственных авторов по вопросам, интересовавшим их издание, путем публикации статей из зарубежной прессы [Зак, 1966, с. 305]. Однако основным источником информации для них в то время являлись европейские периодические издания, которые были в каком-то смысле очарованы действиями Александра I и способствовали формированию его образа либерального монарха [Belousov et al., 2019, p. 1203].

Российская пресса представляла Александра I в событиях 1814—1815 годов как ключевого политического игрока Европы и поддерживала образ государя-освободителя. Наиболее отчетливо это прослеживается в журнале «Вестник Европы»: «... и первый из Государей в Европе выехал уже из Столицы Своей, чтобы присутствовать на общем совете, как Посреднику Европы, достойному великих прав и по имени Освободителя народов, и по имени Русского Монарха» [Вестник Европы, 1814, сентябрь, № 18, с. 151].

Помимо России, ведущие роли на Венском конгрессе российская пресса приписывает Пруссии, Австрии и Англии — странам-победителям Наполеона: «Россия и Англия, как две великие державы, более других содействовавшие политическому возрождению обществ, имеют более других влияние на дела Европы, и Австрия и Пруссия имеют больший вес перед другими Немецкими Государствами в делах Германии» [Там же, декабрь, № 24, с. 313]. Исключительную роль перечисленных выше держав отражает и газета «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета»: «... сначала одни токмо министры, Австрийский, Российский, Английский и Прусский, занимались определительнейшим постановлением оснований, предначертанных Парижским трактатом, для доставления Европе прочного мира» [Северная почта ..., 1814, октябрь, № 84, с. 364]. Таким

образом, российские средства массовой информации возражают французской периодической печати и обосновывают право великих держав перекраивать политическую карту необходимостью мира в Европе.

Так, в январе 1815 года в газете «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» публикуется статья о том, что судьба Царства Польского предрешена по взаимному соглашению держав [Там же, 1815, январь, № 8, с. 38], в февральском выпуске «Вестника Европы» также содержится информация об этом: «... участь Варшавского княжества и Саксонии теперь надобно почитать решенной ко всеобщему удовольствию» [Вестник Европы, 1815, февраль, № 3, с. 239]. Сторонам удалось добиться консенсуса между собой: территориальные притязания Австрии и Пруссии были удовлетворены, а Россия получила большую часть Герцогства Варшавского.

В журнале «Сын отечества» договоренность великих держав описана следующим образом: «Австрия получит уступленный ею в 1809 году Тарнопольский уезд, соляные копи при Величке и удержит за собою Галицию в нынешнем ее пространстве. Пруссия получит Познанской округ и замену на Левом берегу Рейна. Данциг, Торн и Краков будут вольными городами, под покровительством России, Пруссии и Австрии. Все Варшавское Герцогство и прочие Польские земли присоединены будут к Российской Империи» [Сын Отечества, 1815, № 15, второе прибавление, с. 2]. Целесообразно упомянуть и статью, размещенную в журнале «Вестник Европы» в мае 1815 года, в которой передана реакция русского общества на постановления Венского конгресса относительно будущего Польши: «... укоренившиеся враждебные чувства и мнения взаимно должны угаснуть при утешительной мысли о будущих выгодах для обоих великих племен Славянского народа; отныне русские и поляки будут братьями» [Вестник Европы, 1815, май, № 9, с. 85]. Данные слова чрезвычайно показательны: два исторических врага претендовали именоваться братьями. Однако насколько подобное было возможно, учитывая все испытания, через которые пришлось пройти взаимоотношениям между этими странами?

Несмотря на многовековую вражду обоих народов, пресса, находясь под давлением государственного дискурса, одобряет политику, претворяемую царем. В таком контексте интересно высказывание: «Заметим только, что Венский конгресс может иметь для России и Европы одни благодетельства, ибо при нем присутствует Александр, спаситель Европы!» [Сын Отечества, 1815, ч. 19, № 1, второе прибавление, с. 8].

Выверенные послы отечественных издателей дополнились мнением главных героев истории отношений России и Польши — русского военного и польского патриота. Анонимный автор «Письма русского офицера», которое опубликовал журнал «Сын Отечества», одобрительно высказы-

ется о политике императора и признает, что для утверждения спокойствия Северной Европы российский монарх выбрал единственно верный путь, так как «Независимое Королевство Польское было бы несовместимо со всяким предначертанием твердого мира» [Сын Отечества, 1815, ч. 19, № 1, с. 40]. В статье же «Размышления Польского Патриота» автор неоднократно подчеркивает, что «единственно только чрез присоединение к России под собственной конституцией и при простом немногосложном управлении может Варшавское Герцогство быть опять восстановлено» [Там же, № 4, с. 153]. Объясняется это в «Размышлениях...» тем, что на протяжении столетия земли Варшавского герцогства подвергались различным бедствиям, дворянство по большей части обеднело; более того, усугубляется ситуация с государственным долгом, для оплаты которого необходимы все государственные доходы нескольких лет. Именно поэтому восстановить польское независимое государство без помощи русского государя представляется автору почти невозможным.

Настроения польского населения передаются журналом «Вестник Европы» в статье «Письмо к приятелю», заимствованной из Варшавской газеты. В ней содержится следующее: «Народ наш вместе со своими народными правами приобретает себе Монарха могущественнейшего из Владык Европы, признанного всеми Державами за нашего государя. Народ наш теперь соединяется с родственным народом и достигает той самой цели, к которой тщетно стремился наш Сейм знаменитый ...» [Вестник Европы, 1815, июнь, № 11, с. 219—223]. Следуя дискурсу европейской прессы, польская периодика представляет Александра I как национального царя, не навязанного населению обстоятельствами, а пришедшего на польскую землю с доброго согласия самих поляков.

После окончания Венского конгресса в российских изданиях появляется много статей, освещающих первые этапы включения польских земель в состав Российской империи. Так, газета «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» публикует Высочайший манифест относительно новых поданных императора, который содержит следующие слова: «... сего ради признали Мы за благо устроить участь сего края, основав внутреннее управление оного на особенных правилах свойственных наречию, обычаям жителей, и к местному их положению примененных» [Северная почта, 1815, июнь, № 45, с. 189]. Газета «Московские ведомости» сообщает о празднествах, устроенных в Варшаве в честь присоединения к Российской империи обширной части Герцогства Варшавского [Московские ведомости, 1815, июль, № 57, с. 1248].

Описание событий того же дня присутствует и в журнале «Вестник Европы» в виде перепечатки из Варшавской газеты. Помимо благодарностей

и восхваления императора, содержатся в ней и строки, подчеркивающие уникальность предоставленных польскому народу благ: «В истории всех веков нет примера, чтобы один Монарх излил столько благодеяний на один народ, который против него вел войну и никакой еще не показал заслуги»; это событие оценивается поляками как «чрезвычайный подвиг воскрешения Польского Царства», за что поляки благодарят императора и зарекаются «ценить сие соединение и с верностью исполнять священные обязанности» [Вестник Европы, 1815, июль, № 13, с. 50—64]. Так, в очередной раз, возвышая императора, а также подчеркивая его искренние намерения насчет воссозданного Царства, пресса обращается к исторической вражде двух народов, которая благодаря мудрой политике Александра I должна была перерасти в «братские узы».

Позднее газеты опубликовали вести о прибытии в Париж 30 августа польских депутатов с целью «засвидетельствования пред Его Величеством преданности к нему польского народа» [Санкт-Петербургские ведомости, 1815, сентябрь, № 75, с. 796]. О том же известила «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» [Северная почта ..., 1815, сентябрь, № 74, с. 313]. Таким образом, Александр I предстал усилиями российской прессы своеобразным Отцом Отечества для поляков, а они выглядели его благодарными подданными, которые искренне признательны императору за воссоздание своего государства.

Подробное описание этих событий можно найти в журнале «Вестник Европы», где опубликованы речи сенатора Замойского и императора Александра I. Интересно то, что во время присяги царь был «в военной одежде своего народа и в знаках Ордена Белого Орла». Польская депутация преподнесла подарок государю в виде медали «с изображением на одной стороне грудного портрета Монарха» и словами «Unus nobis restituit rem» на другой [Вестник Европы, 1815, октябрь № 20, с. 289—295] в память о воскрешении Польского Царства. Обращает на себя внимание и то, что акцент в опубликованной речи ставится на родстве двух народов славянского происхождения.

12 ноября 1815 года Александр I торжественно въехал в Варшаву. Главной целью его визита было провозглашение новой польской конституции и назначение высших сановников [Аскенази, 1915, с. 27]. Конечно, это освещалось во всех российских периодических изданиях, причем присутствовали и анонсы приезда императора, ожидания в Варшаве и т. д. В данном контексте следует упомянуть выпуск газеты «Московские ведомости» от 30 октября, сообщающий вести из Варшавы: «Мы здесь ожидаем прибытия к нам из Берлина Императора, Царя нашего. Как сказывают, его Величество изволит прибыть сюда в исходе сего месяца» [Московские ведомости, 1815, октябрь, № 87, с. 1884].

Прибытие императора в Царство Польское подробно освещено в газете «Северная Почта, или Новая Санкт-Петербургская Газета»: «Шествие Его Величества от самых границ Царства до сих мест, было совершенно торжественное: везде триумфальные ворота, иллюминации, везде радостные плески жителей, толпами выходивших на сретение сему вожделенному, любезнейшему из Монархов» и т. д. [Северная почта, 1815, ноябрь, № 94, с. 393]. Статья обстоятельно описала весь распорядок встреч Александра I с польской элитой, произнесенные речи и обращения к новому польскому королю. Представляется, что настолько пространное изложение приезда императора в столицу неслучайно, российская пресса всеми усилиями пытается привлечь внимание к данному событию и представить Александра I истинным триумфатором Венского конгресса.

Само пребывание Александра I в Варшаве подробно описано в журнале «Вестник Европы». Издание делает акцент на вручении Президентом Сената воеводой Островским ключей от города императору, во время которого Александром I были произнесены следующие слова: «Не принимаю ключей, ибо прихожу к вам не как победитель, но как попечитель ваш и друг, желающий всех видеть счастливыми» [Вестник Европы, 1815, ноябрь, № 22, с. 130—141]. Подводя итог, автор рассматривает триумфальный въезд императора в Варшаву и подчеркивает, что он не уподоблялся триумфам римских владык, так как «Вшествие Его Императорского Величества в Варшаву составляло триумф Вселюбезнейшего Монарха, дышащего благодатью; Того, который мудростью, милосердием и кротостью обезоруживал неприятелей, покорял сердца и влек за Собою благословление народов» [Там же].

Однако, несмотря на внешнюю радость, праздничную атмосферу и торжественную встречу императора в столице, уже в это время часть польской элиты не была уверена в искренности русского императора и желала видеть бывшие земли Речи Посполитой в составе Царства [Николай Михайлович, 1912, с. 209]. Тем более что в трактатах с Пруссией и Австрией Александр I оставил за собой право дальнейшего расширения польской конституционной территории: «Его Императорское Величество оставляет за собой право дать этому государству, находящемуся под особым управлением, такое внутреннее устройство, которое Он сочтет надлежащим» [Аскенази, 1915, с. 27].

Как уже говорилось выше, главной целью визита императора в Варшаву было провозглашение новой польской конституции. Ее подготовка началась весной 1815 года, когда Александр I поручил А. Чарторыйскому и Н. Н. Новосильцеву подготовить «Основы конституции Царства Польского». Вскоре император их одобрил и отправил в Варшаву для представ-

ления местной общественности. «Основы» выполнили свою миссию — официально подтвердили либеральные намерения Александра I и стали основной базой для новой польской конституции [Вашенко, 2000, с. 54].

В русской периодике, в отличие от европейской, где в подробностях публиковалось содержание всех основополагающих польских документов, не так много статей посвящено обзору польской конституции. Так, журнал «Вестник Европы» публикует воззвание генерала Юзефа Зайончека, в котором подчеркивается, что прошлая конституция Варшавского герцогства была чужда национальному духу Польши и превращала поляков в одно из звеньев наполеоновской империи, а нынешняя, наоборот, возрождает коренные смыслы польской государственности [Вестник Европы, 1816, январь, № 1, с. 65]. Прежняя конституция Герцогства Варшавского, как отмечает А. В. Лохвицкий, имела французские корни и сохраняла в неприкосновенности только лишь имена собственные [Лохвицкий, 2017, с. 252—253]. Польская конституция 1815 года, напротив, в большей степени совпадает с прежним устройством Речи Посполитой. При этом учтены были и актуальные политические теории.

Многие исследователи склоняются к тому, что, несмотря на все ограничения, польская конституция 1815 года была, несомненно, прогрессивным явлением. Целесообразно упомянуть мнение Н. М. Филатовой. Она считает новую польскую конституцию одной из самых прогрессивных на континенте в этот период. Основной закон Царства получил абсолютную поддержку общественности и гарантировал полякам гражданские права и свободы [Из истории общественной мысли ..., 1995, с. 45]. Таким образом, Александр I предстает усилиями российской прессы не просто царем-освободителем, а правителем, действующим согласно национальным интересам поляков, что полностью подтверждает его либеральный образ, сформированный европейскими средствами массовой информации.

В ноябрьском выпуске «Вестника Европы» редакция журнала разместила статью из Варшавской газеты с целью ознакомить читателей с некоторыми пунктами конституционной хартии. В первом титуле говорится: «... соединяя край наш с огромной Империей Российской, положил краеугольный, непоколебимый камень политического бытия нашего. Политические отношения наши сопряжены с отношениями и с выгодами непобедимой Империи». Касаясь религии, автор пишет: «В сем отношении Конституция наша превосходит все прочия; всем исповеданиям христианским равно обеспечивает он права их, желая все соединить одним союзом братства». Третий титул утверждает «навыки ненарушимости отношений, полагаемых между Монархом и народом» [Вестник Европы, 1816, ноябрь, № 22, с. 137—145] и т. д.

Другой целью приезда императора являлось формирование польского правительства. Так, наместником в Королевстве Польском был назначен генерал Юзеф Зайончек, не имевший авторитета в правительственных кругах [Обушенкова, 1979, с. 51]. Однако ключевыми фигурами в Царстве стали брат императора великий князь Константин Павлович и Н. Н. Новосильцев. В ближайшем будущем главные «злодеяния» в Варшаве приписывались именно последнему. Информированное польское общество рассматривало сенатора как катастрофу, видя в его политике преднамеренную попытку подавить, если даже не полностью уничтожить, политическую нацию [Thackeray, 1983, p. 32—46]. Назначение же главнокомандующим польской армией вел. кн. Константина Павловича шло вразрез с интересами поляков, так как они надеялись на этом посту видеть прославленного героя освободительной борьбы генерала Тадеуша Костюшко [Ольшанский, 1959].

Данные назначения стали первыми яркими признаками иллюзорности Царства Польского. Однако, несмотря на эти противоречивые шаги, Александр I продолжает старательно поддерживать свой образ либерального монарха. Много внимания в российской прессе уделяется мерам в области образования, которые предпринял царь. Александр I предстает как покровитель польской науки и просвещения. Так, например, журнал «Вестник Европы» сообщает о том, что в Варшаве основан университет, «... долженствующий состоять из пяти Факультетов или Отделений»; также сообщается о «преобразовании польского драматического училища, чтобы распространить сведения о музыке и науке драматической, и чтобы молодым людям доставить способы к усовершенствованию себя в оных» [Вестник Европы, 1817, март, № 6, с. 151].

В целом можно констатировать реальный факт улучшения в сфере образования в Польше. Министр Потоцкий развернул широкую кампанию по распространению сети народных школ. За два года, к 1817 году, общее число учащихся начальных городских и сельских школ возросло почти на 25 % [Обушенкова, 1979, с. 67]. Помимо университета в Варшаве, в стране открылось несколько высших учебных заведений: военное училище, лесничество и политехники в Варшаве, горного дела в Кельцах, кадетов в Калише, учителей начальной школы в Ловиче, семинария для евангелистов и другие.

В дальнейшем, с 1816 по 1818 годы, в российской прессе не содержится каких-либо значимых сведений о польских делах. Наблюдается аналогичный спад интереса к Царству Польскому и в европейской периодике [Belousov et al., 2019, p. 1205]. Новый всплеск внимания связан с началом работы в марте 1818 года первого польского сейма [Северная почта ..., 1818, март, № 18, с. 78]. Открывая его весьма либеральной речью, Александр I намекает на возможность расширения Царства за счет Литвы

и Белоруссии. Как отмечает А. Хетнал, в историографии высказывались существенные сомнения, что Александр I действительно хотел расширить польское государство за счет русских губерний, но многие его современники искренне верили, что эти планы могли бы реализоваться, если бы монарх не скончался в 1825 году [Hetnal, 1986, p. 20].

По мнению С. В. МIRONЕНКО, Александр I приступил к составлению тезисов своей речи еще в начале года [МIRONЕНКО, 1989, с. 155]. Ход работы над текстом подробно представлен в воспоминаниях графа И. Каподистрии, который был привлечен императором к этой работе. В процессе подготовки Александр I решил согласиться с мнением министра иностранных дел и убрал обещание воссоединить польские и литовские земли. Тем не менее речь произвела фурор и воспринималась современниками как манифест конституционного монарха, а не самодержавного царя [Польша и Россия ..., 2010, с. 337]. О значении, которое придавалось выступлению императора, и стремлении сделать его предметом самой широкой гласности, свидетельствует тот факт, что оно было немедленно переведено на русский язык и опубликовано в русских газетах.

Речь была полностью опубликована в таких газетах, как «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Северной почта, или Новая Санкт-Петербургская газета», «Дух журналов» [Санкт-Петербургские ведомости, 1818, март, № 26, с. 293—294; Московские ведомости, 1818, март, № 29, с. 575—577; Северная почта ..., 1818, март, № 26, с. 113—114; Дух журналов, 1818, март, № 14, с. 96—102]. Наибольший интерес представляют следующие слова: «Вы мне подали средство явить Моему Отечеству то, что я с давних лет ему готовлю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости. Сумейте же стать на высоте вашей задачи. Последствия ваших трудов в сем первом собрании укажут Мне, смогу ли я, не изменяя Своим намерениям, распространять то, что Мною для вас уже совершенно» [Санкт-Петербургские ведомости, 1818, март, № 26, с. 293]. Это трактовалось современниками как обещание радикальной перемены в Российской империи — дарование конституции российским подданным по примеру Царства Польского.

Помимо речи императора, из материалов сейма российские периодические издания также публикуют выступление министра внутренних дел Т. Мостовского, в ходе которого были изложены основные положения проекта конституции, «преимущества коей перед статутом конституции Княжества Варшавского равно очевидны» [Вестник Европы, 1818, апрель, № 5, с. 210—222]. Содержание же парламентских дебатов в русской печати представлено не было. Таким образом, отечественная пресса вновь подчеркивает, что политика императора Александра I, в отличие от политики

Наполеона, ориентирована в первую очередь на национальные интересы польского населения. Однако дарование Польше конституции и либеральные заявления Александра I к польскому народу привели к тому, что часть русского общества возненавидела императора. Они усмотрели в его действиях манифест того, что русские, в отличие от поляков, недостойны конституционных порядков.

В данном контексте показательное выступление генерала А. П. Ермолова, героя Отечественной войны 1812 года. В своем письме А. А. Закраевскому, другому видному участнику войны с Наполеоном, он написал в апреле 1818 года: «Я думаю, судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец и все останется при одних обещаниях всеобъемлющей перемены» [Давыдов, 2005, с. 191]. Тот же посыл содержится и в словах П. А. Вяземского, который признает величие Александра I за его речь в сейме, но резко его осуждает за желание обсудить будущую конституцию России именно с поляками, а не с русскими [Остафьевский архив ..., 1899, с. 105]. План императора по созданию консенсуса в русском обществе не реализовался.

Необходимо отметить факт того, что мотивом для объединения против императора разных политических сил стал патриотизм. И сторонников конституционных преобразований, и их противников захватили антипольские настроения. Неохотно признавая Польшу частью Российской империи, они воспринимали ее как чуждое им государственное образование или как покоренный народ [Ващенко, 2000, с. 97].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на неприятие русской общественностью официального дискурса правительства в польском вопросе, пресса на протяжении 1814—1818 годов остается неизменной в своем направлении: прославление царя как национального государя Царства Польского, главной целью которого является благоденствие его новых подданных. В таком контексте показательнее всего возникновение тайных обществ с целью противостоять пропольским настроениям императора. Как отмечает А. Мазур, внутренняя борьба, приведшая к событиям сентября 1817 года, а именно к известному Московскому заговору декабристов с целью убийства императора, разворачивалась на фоне новостей о даровании Польше конституции [Mazour, 1937, p. 71; см. также Belousov, 2018].

По причине отсутствия в российской и зарубежной прессе постоянных и крупных публикаций о дебатах в польском сейме и внутриполитической ситуации в Царстве большинство представителей российского общества не обладали достаточным пониманием особенностей практической реализации конституционных порядков. Россия и Европа, напротив, были полностью поглощены созданной Александром I и утвержденной средствами массовой информации концепцией Царства Польского.

Речь, произнесенная в день открытия сейма в 1818 году, стала кульминационным пунктом либерального пути и преобразовательных стремлений императора Александра I. Она была предметом повышенного внимания издателей, в чем, конечно, проявилась и правительственная политика. Такое стремление сделать речь предметом самой широкой гласности свидетельствует о попытке императора узнать общественное мнение касательно введения в Российской империи конституции. И попытка оправдала себя — после закрытия польского сейма передовая часть русского общества дала оценку варшавской речи. Актуализировались как либеральные, так и национально-патриотические круги российского общества. С этого момента наблюдается подчеркнутая иллюзорность идеи царя по созданию Царства Польского, что выражается в систематическом нарушении прав, дарованных конституцией, а также в формировании реакции русского и польского обществ.

4. Заключение

После завершения Наполеоновских войн Александр I, стремясь достичь поставленных внешнеполитических задач, обращается к идее независимого польского государства. Идея Царства Польского как умозрительная концепция становится самостоятельным актором в политическом дискурсе Европы. В восприятии образа императора Александра I и его политики относительно Польши наблюдается существенное различие в первые годы после присоединения этих земель, в так называемый «конституционный период», и в последние годы правления, часто именуемые «периодом реакции». Объясняется это, по мнению американского историка А. Левака, сложностью одновременного управления двумя кардинально различными государственными образованиями с особенным политическим устройством [Lewak, 1930, p. 351]. Представленный материал дает возможность скорректировать данную точку зрения. Александр I с самых первых дней вхождения Польши в состав империи придерживался практических принципов реализации своего политического курса. Он не видел необходимости претворять в жизнь все провозглашенные либеральные начала. Но неожиданно для российского императора французская пресса создала вокруг него ореол царя-освободителя — польского национального государя, вернувшего измученному народу свободу в виде конституционного правления. Данная риторика была поддержана и многократно усилена в российской периодике в силу отсутствия должной свободы слова. Редакции журналов и газет, даже желая обойти цензуру, всецело следовали за французским политическим дискурсом, оказываясь тем самым в ловушке. Постоянное муссирование в информационном поле ложного образа и ложных интерпретаций курса российского самодержавия в Польше вско-

лыхнули как либеральные, так и консервативные круги. Общество не могло понять причину дарования конституции и определенной самостоятельности полякам, которые ранее находились в равном положении с другими народами империи. Либеральная риторика прессы загнала российскую монархию в тупик вместо образования желаемого общественного консенсуса в польском вопросе. Политика Александра I с каждым годом все больше расходилась с реальным положением дел и в конечном счете стала одним из факторов возникновения тайных обществ декабристов.

Источники

1. *Вестник Европы*, 1814—1818 гг.
2. *Дух журналов*. 1818 г.
3. *Московские ведомости*. 1815.
4. *Московские ведомости*. 1818 г.
5. *Остафьевский архив князей Вяземских*. Т. 1. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. — 735 с.
6. *Санкт-Петербургские ведомости*. 1815.
7. *Санкт-Петербургские ведомости*. 1818 г.
8. *Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета*, 1814—1815, 1818 гг.
9. *Сын отечества*. 1815 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аскенази Ш.* Царство Польское (1815—1830) / Ш. Аскенази. — Москва : Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. — 169 с.
2. *Ващенко А. В.* Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи 1815—1830 гг. : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / А. В. Ващенко. — Москва : 2000. — 182 с.
3. *Давыдов М. В.* Оппозиция его величества / М. В. Давыдов. — Москва : Зебра Е, 2005. — 352 с. — ISBN 5-94663-197-7.
4. *Зак Л. А.* Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи / Л. А. Зак. — Москва : Международные отношения, 1966. — 376 с.
5. *Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)* / отв. ред. С. М. Фалькович. — Москва : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. — 255 с. — ISBN 5-7576-0009-8.
6. *Краткая история Польши : с древнейших времен до наших дней* / отв. редактор В. А. Дьяков. — Москва : Наука, 1993. — 528 с. — ISBN 5-02-010035-8.
7. *Лохвицкий А. В.* Обзор современных конституций : XVIII — первая половина XIX века. Швейцария, Франция, Германия, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Польша. Книга 1. Выпуск № 82. / А. В. Лохвицкий. — Москва : URSS, 2017. — 280 с. — ISBN 978-5-9710-4121-4.
8. *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко. — Москва : Наука, 1989. — 240 с. — ISBN 5-02-009540-0.
9. *Николай Михайлович (вел. кн.)*. Император Александр I : опыт исторического исследования. / перед. загл. : Великий князь Николай Михайлович. — Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. — 636 с.

10. *Обушенкова Л. А.* Королевство Польское в 1815—1830 гг. : экономическое и социальное развитие / Л. А. Обушенкова. — Москва : Наука, 1979. — Т. I. — 295 с.
11. *Ольшанский П.* Декабристы и польское национальное освободительное движение / П. Ольшанский. — Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1959. — 226 с.
12. *Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815—1830* / отв. ред. С. М. Фалькович. — Москва : Индрик, 2010. — 584 с. — ISBN 978-5-91674-087-5.
13. *Рей М. П.* Венский конгресс как инструмент выработки новых дипломатических норм и обычаев / М. П. Рей // Россия и современный мир. — 2017. — № 4. — С. 31—44. — DOI: 10.31249/rsm/2017.04.03.
14. *Щеголев С. И.* Александр I и польская конституция 1815 года / С. И. Щеголев // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. — 2014. — № 12. — С. 79—87.
15. *Хобсбаум Э.* Век революций, 1789—1848 / Э. Хобсбаум. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. — 480 с. — ISBN 5-222-00614-X.
16. *Belousov M. S.* Moscow Conspiracy of the Decembrists / M. S. Belousov // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2018. — Т. 63. — Выпуск 1. — С. 29—40. — DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.102.
17. *Belousov M. S.* The beginning of congress Poland in the discourse of the French press / M. S. Belousov, A. S. Belousov // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2019. — Т. 64. — Выпуск 4. — С. 1195—1212. — DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.402.
18. *Hetnal A.* The polish right and the question of national independence in Russian Poland (1815—31). The case of General Augustin Slubicki / A. Hetnal // The Polish Review. — 1986. — Vol. 31, № 1. — Pp. 13—25.
19. *Jarrett M.* No Sleepwalkers : the Men of 1814/15. Bicentennial Reflections on the Congress of Vienna and its Legacy / M. Jarrett // Journal of Modern European. — 2015. — Vol. 13, № 4. — Pp. 429—438.
20. *Lewak A.* The Polish Rising of 1830 / A. Lewak // The Slavonic and East European Review. — 1930. — Vol. 9, № 26 (December). — Pp. 350—360.
21. *Mazour A. G.* First Russian revolution 1825. The Decembrist movement. Its origins, development and significance / A. G. Mazour. — Stanford, California : Stanford University Press, 1937. — 342 p.
22. *Mocha F.* The Karamzin-Lelewel Controversy / F. Mocha // Slavic Review. — 1972. — Vol. 31, № 3. — Pp. 592—610.
23. *Morley C.* Alexander I and Czartoryski : The Polish Question from 1801 to 1813 / C. Morley // The Slavonic and East European Review. — 1947. — Vol. 25, № 65 (April). — Pp. 405—426.
24. *Strakhovsky L.* Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy toward National Minorities / L. Strakhovsky // The Journal of Modern History. — 1941. — Vol. 13, № 4 (December). — Pp. 467—492.
25. *Thackeray F. N.* N. Novosil'tsov, the Polish years / F. Thackeray // The Polish Review. — 1983. — Vol. 28, № 1. — Pp. 32—46.
26. *Zawadzki W. H.* Russia and the Re-Opening of the Polish Question, 1801—1814 / W. H. Zawadzki // The International History Review. — 1985. — Vol. 7, № 1. — Pp. 19—44.

MATERIAL RESOURCES

- Bulletin of Europe*. (1814—1818). (In Russ.).
Moscow Vedomosti. (1815). (In Russ.).
Moscow Vedomosti. (1818). (In Russ.).
Northern Post Office, or the New St. Petersburg Newspaper. (1814—1815, 1818). (In Russ.).
Ostafyevsky archive of the princes of Vyazemsky, 1. (1899). Saint Petersburg: Stasyulevich's Printing House. 735 p. (In Russ.).
Saint-Petersburg vedomosti. (1815). (In Russ.).
Saint-Petersburg vedomosti. (1818). (In Russ.).
Son of the fatherland. (1818). (In Russ.).
The spirit of magazines. (1818). (In Russ.).

REFERENCES

- A brief history of Poland: from ancient times to the present day*. (1993). Moscow: Nauka. 528 p. ISBN 5-02-010035-8. (In Russ.).
Askenazi, Sh. (1915). *The Kingdom of Poland (1815—1830)*. Moscow: Publishing house of Writers in Moscow. 169 p. (In Russ.).
Belousov, M. S. (2018). Moscow Conspiracy of the Decembrists. *Bulletin of the Saint Petersburg University. History*, 63 (1): 29—40. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.102.
Belousov M. S., Belousov, A. S. (2019). The beginning of congress Poland in the discourse of the French press. *Bulletin of the Saint Petersburg University. History*, 64 (4): 1195—1212. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.402.
Davydov, M. V. (2005). *Opposition of his Majesty*. Moscow: Zebra E. 352 p. ISBN 5-94663-197-7. (In Russ.).
From the history of social thought of the peoples of Central and Eastern Europe (the end of the XVIII — 70s of the XIX century). (1995). Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkanistics of the Russian Academy of Sciences. 255 p. ISBN 5-7576-0009-8. (In Russ.).
Hetnal, A. (1986). The polish right and the question of national independence in Russian Poland (1815—31). The case of General Augustin Ślubicki. *The Polish Review*, 31 (1): 13—25.
Hobsbawm, E. (1999). *The Age of Revolutions, 1789—1848*. Rostov-on-Don: Fenisk. 480 p. ISBN 5-222-00614-X. (In Russ.).
Jarrett, M. (2015). No Sleepwalkers: the Men of 1814/15. Bicentennial Reflections on the Congress of Vienna and its Legacy. *Journal of Modern European*, 13 (4): 429—438.
Lewak, A. (1930). The Polish Rising of 1830. *The Slavonic and East European Review*, 9 (26): 350—360.
Lokhvitsky, A. V. (2017). *Review of modern constitutions: XVIII — the first half of the XIX century. Switzerland, France, Germany, Sweden, Norway, Denmark, Finland, Poland, 1* (82). Moscow: URSS. 280 p. ISBN 978-5-9710-4121-4. (In Russ.).
Mazour, A. G. (1937). *First Russian revolution 1825. The Decembrist movement. Its origins, development and significance*. Stanford, California: Stanford University Press. 342 p.
Mironenko, S. V. (1989). *Autocracy and reforms. Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century*. Moscow: Nauka. 240 p. ISBN 5-02-009540-0. (In Russ.).

- Mocha, F. (1972). The Karamzin-Lelewel Controversy. *Slavic Review*, 31 (3): 592—610.
- Morley, C. (1947). Alexander I and Czartoryski : The Polish Question from 1801 to 1813. *The Slavonic and East European Review*, 25 (65): 405—426.
- Nikolai Mikhailovich (great book). (1912). *Emperor Alexander I: the experience of historical research, I*. Saint Petersburg: Expedition of procurement of state papers. 636 p. (In Russ.).
- Obushenkova, L. A. (1979). *The Kingdom of Poland in 1815—1830: economic and social development*. Moscow: Nauka. 295 p. (In Russ.).
- Olshansky, P. (1959). *Decembrists and the Polish National Liberation movement*. Moscow: Publishing house of socio-economic literature. 226 p. (In Russ.).
- Poland and Russia in the first third of the XIX century. From the History of the Autonomous Kingdom of Poland 1815—1830*. (2010). Moscow: Indrik. 584 p. ISBN 978-5-91674-087-5. (In Russ.).
- Rey, M. P. (2017). The Vienna Congress as a tool for developing new diplomatic norms and customs. *Russia and the modern world*, 4: 31—44. DOI: 10.31249/rsm / 2017.04.03. (In Russ.).
- Shchegolev, S. I. (2014). Alexander I and the Polish Constitution of 1815. In: *Proceedings of the Department of History of Modern and Modern Times*, 12: 79—87. (In Russ.).
- Strakhovsky, L. (1941). Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy toward National Minorities. *The Journal of Modern History*, 13 (4): 467—492.
- Thackeray, F. (1983). N. N. Novosil'tsov, the Polish years. *The Polish Review*, 28 (1): 32—46.
- Vashchenko, A. V. (2000). *The legal status of the Kingdom of Poland as part of the Russian Empire 1815—1830*. PhD Diss. Moscow. 182 p. (In Russ.).
- Zak, L. A. (1966). *Monarchs against the peoples. Diplomatic struggle on the ruins of the Napoleonic Empire*. Moscow: International relations. 376 p. (In Russ.).
- Zawadzki, W. H. (1985). Russia and the Re-Opening of the Polish Question, 1801—1814. *The International History Review*, 7 (1): 19—44.